

*«Там страна и город мужей
киммерийских. Всегдашний
Сумрак там и туман. Никогда
светоносное солнце
Не освещает лучами людей,
населяющих край тот...»*

Если подгадать и сойти на кыновской берег, когда солнце плотно скрыто нетопыриной мрачности тучами, — а такое бывает почти всегда, — всерьёз покажется, что именно эту местность описал Гомер: «Ночь зловещая племя бесщастных людей окружает», и уходящая вглубь гор угрюмая расселина предстанет безотрадной дорогой в царство мёртвых.

Только что «вход в пещеру меж скал зиял глубоким провалом», но борзые тени быстро пронесутся над Кыном, небо вдруг как бы распахнётся, неудержимо хлынет солнечный поток и выгонит горный сумрак почти отовсюду — только придержат его низины и впадинки, да рёбра скал, словно гигантские рейсфедеры, по-прежнему рисуют густой тушью на жухлой траве по склонам хитроумные чертежи механизмов и машин, давно забытых, равно как и никогда не воплощённых.

Кын тогда предстаёт как полураскрытая книга: вдоль корешка несётся, шумливо пенясь, малая речушка, а по бокам, словно крышки потёртого пере-

плёта, кренятся выстроенные друг за дружкой Верхоушка, Димитровская и Мёрзлая, с другой стороны — Троицкая, Плакун, Ильинская. Надорванным капталом высовывается из-под корешка длинная ворсина косы, коей обозначено впадение уросливого Кынка в полциркульный поворот Чусовой.

Но вот уже ползёт из-за Ильинской горы грозовой мрак, и тютчевский гром колет серые небеса, как колун чурбак. Несколько минут грозы — и радуга неуверенно соткалась над Ильинской

горой. Только и эта радость ненадолго: прячь уши, градины секут картечью, скачут ледяными брызгами по камням и утоптанной глине. Но и они быстро тают под очередным солнечным напором, который вновь сменяется моросливым дождём. А на северо-западной стороне, говорят, можно иногда видеть полярное сияние.

Ах, Кын-завод, пристань трёх погод — лучезарного света, сырого сумрака и каменного холода, ущелье четырёх стихий — почти плутонического огня, ветра, штормовыми порывами рвущего в клочья холодный горный воздух, неугомонной воды и, конечно, железа.

Серые, чернеющие в непогоду скалы заставляют вспомнить пористый от питерского времени и непогоды мрамор статуй Летнего сада. Старый известняк грызут лишай, оставляя на нём битумно-чёрные, охряные, да ещё белые, как птичий помёт, для человека непостижимые петроглифы — руны подземных рудничных духов. Бросает на кыновскую палитру весёлой зелени свежий ельник, выросший на Димитровской горе с тех давних пор, когда завод «обрубился», т. е. в окрестностях совсем не стало леса, всё пережгли на уголь. А выйдешь на Чусовую, к кыновской пристани, сложенной из богатырского обхвата камней, — Верхоушка выдохнет такой смолистый сквозняк, что невольно замираешь, из пространства красок внезапно вброшенный в подспудный мир запахов.

И ведь не распахнёшь книгу до конца, не разлистнёшь известняковые горы, которые скальными своими выступами стремятся ещё и прорвать страницы тёмного повествования, а потому кыновские хроники полны загадок и шифров, остаются до конца непонятными даже известные сюжеты. Например, присловье «Кын — золотое донце». Алмазы в устье Кынка намывали, было дело. А вот золота никогда не находили.

Ещё присловье: «Кын — почти что Крым». Сомнительно, чтоб кому-либо из заводчан удалось своими глазами видеть благословенный природой полуостров, но в этот курортный топоним они вкладывали свой смысл: завод их был чист и прибран, солиден и украшен, никакого беспорядка.

